

На правах рукописи

Федосеева Елена Викторовна

**КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ДИСКУРСИВНОГО
КОНСТРУИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В
МЕДИАДИСКУРСЕ**

(на материале статей о России в современных англоязычных
средствах массовой информации)

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск – 2016

Работа выполнена на кафедре английской филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Плотникова Светлана Николаевна

Официальные оппоненты: **Ильинова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», кафедра английской филологии, профессор

Хантакова Виктория Михайловна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского», кафедра иностранных языков, профессор

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

Защита диссертации состоится «6» октября 2016 года в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д999.016.04 на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», ФГБУН «Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук», ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» по адресу: г. Красноярск, пр. Свободный, 82, корп. 9, ауд. 4-02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» и на сайте организации <http://www.sfu-kras.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Веренич Татьяна
Константиновна

Общая характеристика работы

Данное диссертационное исследование посвящено разработке теоретической проблемы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе.

Выбор темы продиктован необходимостью дальнейшего анализа понятия «дискурс» в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике и важностью постановки новых теоретических проблем в области теории дискурса в целом и теории медиадискурса в частности.

Вопрос представления действительности в дискурсе поднимался уже на самом раннем этапе его изучения; в определение дискурса изначально входит его понимание как особого способа видения и упорядочения действительности, реализуемого в разнообразных дискурсивных практиках [М. Фуко].

Это понимание углубляется в новейших направлениях исследования дискурса, таких как его пропозициональный анализ, исследование его когнитивных сценариев и когнитивный анализ нарратива [Демьянков 2005; Кубрякова 2004; Плотникова 2013; Падучева 1996; Брокмейер, Харре 2000; Abelson 1981; Dijk 1985; Kintsch 1972; Schank 1977; Minsky 1980; Ochs, Capps 1996 и др.]. В этих подходах акцентируется активная роль говорящего в создании релевантного контента, коррелирующего с представляемой в дискурсе внеязыковой действительностью.

Проанализировав имеющиеся лингвистические исследования медиадискурса, мы установили, что в своем большинстве они носят структурный характер: даются классификации медиатекстов, выявляются их функции [Зильберт 1986; Рождественский 1996; Березин 2003; Желтухина 2003; Тертычный 2006; Добросклонская 2012; Кибрик 2011 и др.]. Однако проблема репрезентации действительности в медиадискурсе в структурных исследованиях не является основной и затрагивается лишь частично.

Данной проблеме уделяется значительное внимание в такой дисциплине, как критическая лингвистика, где вводится понятие предвзятого, искаженного, основанного на предубеждении представления действительности в дискурсе; в отношении медиадискурса это трактуется как нарушение объективности медийного сообщения [Водак 1997; Dijk 1989; Fairclough 1989, 1997; Fowler 1991, Willis 1991 и др.].

Нарушение принципа объективности в дискурсивном отображении действительности изучается также в общефилологической дисциплине неориторике, где постулируется, что употребление в дискурсе стилистических приемов и риторических аргументов – его риторическая модификация – способствует замене интенции истины на интенцию мнения, благодаря чему в дискурсе происходит формирование реальности, а не ее объективное описание [Perelman, Olberchts-Tyteca 1958; Тодоров 1998; Эко 1998 и др.].

Идеи неориторики начинают проникать и в исследования медиадискурса, где появились понятия медиареальности, неориторической картины

мира, создаваемой СМИ, медиатизации, медиафакта [Землянова 2004, Кириллова 2005; Иванова 2005; Негрышев 2009; Анненкова 2012; Добросклонская 2012 и др.].

Появившееся в последние годы в теории дискурса новое понятие «дискурсивное конструирование» [Плотникова 2006, 2014; Potter, Herbun 2008] начинает изучаться и в кандидатских диссертациях. Ю.И. Детинко исследовала дискурсивное конструирование чужеродности в современной британской политической коммуникации [Детинко 2013]. К.В. Боровикова рассмотрела смежное с понятием дискурсивного конструирования понятие дискурсивного мониторинга мира говорящим / пишущим как наблюдателем [Боровикова 2007].

Представляется своевременным проведение комплексного лингвистического анализа особенностей дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения когнитивных структур, лежащих в основе репрезентации действительности в медиадискурсе, и способов их языкового выражения. Актуальным является также интегрированный подход к проблеме дискурсивной репрезентации действительности в медиадискурсе с позиций лингвистики дискурса, когнитивной лингвистики, критической лингвистики и неориторики. Учет взаимодействия дискурса и когниции в нашем исследовании определяет его актуальность в общей проблематике когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике.

Теоретической и методологической базой диссертации являются работы отечественных и зарубежных ученых в области:

1) теории коммуникации (К. Шеннон, Р.О. Якобсон, Г.Г. Почепцов, Л.В. Куликова, А.П. Чудинов, Т.Г. Винокур, О.С. Иссерс и др.);

2) теории текста и дискурса (В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, И.Р. Гальперин, З.Я. Тураева, В.И. Карасик, С.Н. Плотникова, Е.И. Шейгал, Г.Г. Слышкин, Е.И. Ильинова, Н.Н. Панченко, Т. ван Дейк, Дж. Серль, Дж. Поттер, Д. Эдвардс и др.);

3) теории медиадискурса (М. Маклюэн, Н. Луман, Д. Грейбер, Т.Г. Добросклонская, А.В. Олянич, А.А. Кибрик, М.Г. Лебедько, Э.Г. Меграбова, Б.А. Зильберт, Ю.В. Рождественский, В.М. Березин, М.Р. Желтухина, А.А. Тертычный и др.);

4) когнитивной лингвистики (Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.С. Степанов, Н.Н. Болдырев, О.К. Ирисханова, Р. Абельсон, Р. Шенк, М. Минский, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.);

5) критической лингвистики (Р. Водак, Р. Фаулер, Г. Кресс, Б. Ходж, Н. Фэарклоф, Т. ван Дейк, У. Уиллис и др.);

6) неориторики и неориторического подхода к медиадискурсу (Х. Перельман, Л. Ольберхт-Тытека, Ж. Женнет, И.В. Анненкова, Н.А. Безменова, В.М. Мейзеровский, А.А. Ивин и др.).

Исследование базируется на **гипотезе** о том, что в основе репрезентации действительности в медиадискурсе лежат определенные когнитивные механизмы. Формирующие медиадискурс когнитивные механизмы конструирования действительности определяют различия в изображении одной и той же ситуации действительности разными пишущими.

Целью диссертации является теоретическое обоснование понятия дискурсивного конструирования действительности в ряду смежных понятий и терминов и определение основных когнитивных механизмов, лежащих в основе дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе.

В соответствии с поставленной целью и в процессе доказательства выдвинутой гипотезы в диссертации ставятся следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть современные направления изучения дискурса;
- 2) охарактеризовать сущность медиадискурса и базовые подходы к его исследованию;
- 3) обосновать теоретический статус понятия «дискурсивное конструирование действительности» в ряду смежных понятий и терминов;
- 4) определить сущность дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе, для чего:
 - а) отграничить его от других типов репрезентации действительности в медиадискурсе;
 - б) охарактеризовать различие факта и медиафакта, определить лингвистические параметры медиафакта и его роль в конструировании действительности в медиадискурсе;
- 5) выделить основные когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе и способы их языковой реализации.

Объектом исследования является феномен дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе.

Предметом исследования являются когнитивные механизмы, лежащие в основе конструирования действительности в медиадискурсе, и отличительные особенности их языкового выражения.

Цель работы определяет привлечение различных **методов** исследования, среди которых метод концептуального, пропозиционального, речеактового анализа, метод моделирования когнитивных сценариев и интерпретативный метод.

Материалом для исследования служат тексты статей о России в современных англоязычных СМИ, собранные на основе сплошной выборки из печатных и интернет-изданий. Ограничение материала исследования связано с необходимостью унифицировать анализируемые данные, что позволяет в полной мере подвергнуть анализу многообразие репрезентируемых в медиадискурсе ситуаций действительности. Общий объем проанализированного материала – более 4000 текстов.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается репрезентативным отбором рассмотренного языкового материала, а также интегрированным подходом к его анализу, объединяющим в себе когнитивный, критический и неориторический аспекты изучения медиадискурса.

Научная новизна результатов исследования состоит в том, что в ней **впервые**:

1) проведен комплексный лингвистический анализ дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе;

2) доказано, что медиадискурсу присуща особая форма дискурсивной репрезентации действительности – медиатизация, и дано ее определение как дискурсивной обработки действительности пишущими либо по типу «отражение», либо по типу «конструирование»;

3) проведено разграничение медиатизации по типу «отражение» и по типу «конструирование» и определено, что они различаются как дискурсивное представление реальности происходящего и ее медиаверсии;

4) в анализ медиадискурса введено понятие когнитивного механизма дискурсивной репрезентации действительности как определенной репрезентационной практики, имеющей отличительные особенности своего языкового выражения;

5) выделены когнитивные механизмы конструирования действительности в медиадискурсе: конструирование референтной ситуации, включение в нее пишущего, стереотипизация, мифологизация, риторическая модификация медиадискурса;

6) установлено, что с помощью этих когнитивных механизмов происходит замена реально имевших место фактов медиафактами, дискурсивными конструктами, представляющими собой личностную или культурно обусловленную версию действительности.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Дискурсивная репрезентация действительности в медиадискурсе – медиатизация – осуществляется либо по типу «отражение», либо по типу «конструирование». Эти два типа репрезентации различаются по своим когнитивным механизмам и по особенностям их языковой реализации.

2) В медиатизации по типу «конструирование» происходит отход от действительности, заключающийся в замене реально имевших место фактов действительности медиафактами – дискурсивными конструктами, созданными с помощью определенных когнитивных механизмов и особого набора языковых средств.

3) Когнитивный механизм конструирования референтной ситуации лежит в основе создания при помощи дискурса медиафакта как псевдособытия. Алгоритмами данного механизма являются дефокусирование, референциально-тематический менеджмент, абстрагирование, генерализация и мифологическая референция.

4) Когнитивный механизм включения пишущего в референтную ситуацию обуславливает переход от третьеличного к перволичному нарративу, описание пишущим самого себя и превалирование интенции мнения над интенцией истины; эти факторы способствуют конструированию медиафакта как личностной версии действительности.

5) Когнитивные механизмы стереотипизации и мифологизации обуславливают нарративное переструктурирование реальных фактов на основе стереотипных мнений и мифологических сюжетов, в результате чего создается медиафакт как культурно обусловленная версия действительности.

6) Когнитивный механизм риторической модификации медиадискурса предполагает, что модификация возникает на основе риторически не модифицированного медиадискурса; организующим центром используемых стилистических приемов, создающих медиафакт как личностную версию действительности, является концептуальная метафора.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в развитие теории дискурса, теории медиадискурса, когнитивной лингвистики, теории коммуникации, критической лингвистики, стилистики и интерпретации текста.

Получила дальнейшую разработку общая теоретическая проблема дискурсивной репрезентации действительности; была поставлена и исследована проблема репрезентации действительности в медиадискурсе.

Углубляются теоретические знания о природе когниции и ее механизмах, на основе которых осуществляется представление действительности в медиадискурсе.

Создана теоретическая модель конструирования действительности в медиадискурсе, объясняющая когнитивные и языковые способы замены реальных событий их версиями – дискурсивными конструктами. В связи с этим получают дальнейшую разработку теоретические положения о процессе порождения дискурса, в частности, о порождении с помощью дискурса возможных миров. Созданная модель также развивает собой теоретические положения критической лингвистики; выявленные когнитивные механизмы репрезентации действительности в медиадискурсе позволяют разграничить объективное и предвзятое медийное сообщение.

Углубляются научные представления о референтно-тематической структуре дискурса; выявлены особенности когнитивной обработки референтов и тем в целях конструирования действительности в медиадискурсе. Получают развитие теоретические положения о риторической структуре дискурса; определены особенности использования стилистических приемов и риторических аргументов в целях выражения интенции мнения пишущего в медиадискурсе.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения ее основных положений в преподавании вузовских курсов теории текста и дискурса, когнитивной лингвистики, теории коммуникации, теории межкультурной коммуникации, стилистики и интерпретации текста.

Результаты и материалы исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий по теории языка, а также при руководстве курсовыми и дипломными работами.

Апробация работы. По теме диссертации сделаны доклады на четырех международных конференциях: «Текст и дискурс: лингвокультурологический аспект» (Иркутск, 2012 г.), «Концепт и культура» (Кемерово, 2012 г.), «Язык – когниция – социум» (Минск, 2012 г.); «Теория и методика международного образования: традиции и новации в обучении студентов стран Азиатско-Тихоокеанского региона» (Иркутск, 2014 г.); на 9-ой Всероссийской научной конференции «Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности» (Иркутск, 2015 г.); на конференциях молодых ученых «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук» в ФГБОУ ВПО ИГЛУ (2011, 2012, 2013, 2014 гг.).

Основные результаты исследования отражены в 16 публикациях, в том числе в трех публикациях в ведущих рецензируемых научных изданиях. Общий объем публикаций составляет 5,7 печатных листов.

По **структуре** диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 192 наименований, в том числе 57 на иностранных языках, списка использованных словарей, списка источников примеров и двух приложений. Работа иллюстрирована 4 таблицами и 3 схемами.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** формулируются цели и задачи работы, обосновывается актуальность и научная новизна исследования, перечисляются основные методы анализа, приводится описание теоретической базы диссертации, излагаются основные положения, выносимые на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

Глава I «Теоретические основы исследования медиадискурса» посвящена изложению теоретической базы исследования: рассматриваются современные направления исследования дискурса, сущность медиадискурса, его базовые понятия и термины, сравниваются подходы к медиадискурсу с позиций неориторики и критической лингвистики.

1.1. Современные направления исследования дискурса

Рассматриваются положения теории текста, способствовавшие становлению теории дискурса, и принимается структурное определение дискурса как совокупности текстов, соответственно, медиадискурса как совокупности медиатекстов. Анализируется когнитивный подход к дискурсу; такие направления, как анализ концептуальной, пропозициональной, референтной, нарративной структуры дискурса и его когнитивных сценариев. Принимается когнитивное определение дискурса как формы представления знаний, оперирования знаниями и их изложения в виде нарратива.

1.2. Сущность медиадискурса: базовые понятия и термины

Из множества существующих терминов (медиадискурс, массмедийный, медийный, массово-информационный дискурс и т.д.) принимается термин «медиадискурс» как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2008: 152]. Медиадискурс анализируется в рамках общей теории коммуникации и теории медиакommunikation, ее основных понятий (медийный канал, сообщение / медиатекст, социальный адресат, функции медиадискурса, его различные жанры). Сделан вывод, что медиадискурс представляет собой институциональный тип дискурса, подчиненный основным функциям СМИ как социального института – информирующей и воздействующей.

Рассматриваются также работы, посвященные анализу медиадискурса о России в западных СМИ, в том числе англоязычных [Лебедевко 2008, Меграбова 2009 и др.]. Подчеркивается, что в нашей диссертации данный дискурс является не целью анализа, а его материалом. Глобальная тематическая однородность материала (Россия как глобальная тема) унифицирует конкретную тематику, сводит ее в отдельные рубрики. Обширная выборка примеров, однородных по тематике, то есть по характеристикам описываемой действительности, позволяет перенести фокус внимания с особенностей изображения конкретной действительности, выявленных в имеющихся исследованиях (представление России как слабой страны, страны, заякоренной в прошлом и т.п.), на общие когнитивные механизмы конструирования действительности в медиадискурсе, лежащие в основе подобного конкретного изображения.

1.3. Подход к медиадискурсу с позиций неориторики

В качестве предтечи современного понимания дискурсивного конструирования действительности рассматривается неориторический подход к речи / дискурсу [Perelman, Olberchts-Tyteca 1958]. Анализируются основные понятия неориторики: риторическая модель мышления, основанная не столько на истине, сколько на мнении, риторическая аргументация в защиту мнения, адаптация к аудитории и достижение согласия с ней. В неориторике постулируется прямая зависимость между аудиторией и фактом: то, что является фактом или не фактом, определяется не некоей «объективностью», а аудиторией. Например, богословы рассматривают как факты то, что описывается в религиозных текстах. Напротив, для ученых факт – это то, что можно измерить или проверить; ученые проверяют результаты других ученых, проводя определенные опыты, и выделяют факты, совпадающие с общим результатом [Perelman, Olberchts-Tyteca 1969: 102]. Само понятие объективности в неориторике подвергается сомнению; на первый план выходит идея формирования реальности в речи / дискурсе, а не ее объективного отображения.

Отмечается, что неориторический подход к медиадискурсу основан на идее о том, что «СМИ конструируют собственный мир, отличный от

мира реального и предлагают его в качестве единственно возможного массовому адресату» [Анненкова 2012: 11]. Согласно этому подходу, пишущий (журналист) властвует над словом и «закрывает» действительность от адресата.

1.4. Подход к медиадискурсу с позиций критической лингвистики

Анализируется проблематика критической лингвистики: выражение в дискурсе социального контроля, власти, идеологии, неравенства, предубеждения, диффимации, расизма и т.п. [Fowler, Kress, Hodge 1979; Wodak 1989; Dijk 1993, 1995; Fairclough 1989, 1997]. Отмечается особая, личностная позиция критических лингвистов: их борьба с подобным дискурсом, раскрытие лингвистических принципов его формирования. Подчеркивается, что подход к медиадискурсу с позиций критической лингвистики предполагает возможность объективности медийного сообщения и необходимость обнаружения различных способов необъективного / искаженного / предвзятого освещения реальности в СМИ.

В главе II «Типы дискурсивной репрезентации действительности в медиадискурсе» анализируется понятие когнитивной и дискурсивной репрезентации действительности, вводится понятие медиатизации как дискурсивной репрезентации реальности и медиареальности, выделяются два типа медиатизации: отражение и конструирование, разграничиваются языковые маркеры репрезентации действительности в медиадискурсе по типу «отражение» и по типу «конструирование».

2.1. Понятие репрезентации: когнитивная vs дискурсивная репрезентация

Отмечается, что понятие репрезентации широко употребляется в философии, психологии, социологии, лингвистике. Ее общее определение: «репрезентация – это представление одного в другом и посредством другого» [ФСОН]. В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике в настоящее время все более четкую дифференциацию получают понятия когнитивной и языковой репрезентации действительности. Когнитивная (ментальная) репрезентация является более разработанным понятием, изучаемым на протяжении уже нескольких десятилетий. Согласно Е.С. Кубряковой, ментальная репрезентация является ключевым понятием в когнитивной науке, относящимся как к процессу представления (репрезентации) мира в сознании человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах [Кубрякова 2004: 157]. Единицами ментальной репрезентации знаний являются гештальты, концепты, пропозиции, фреймы, скрипты, сценарии [КСКТ]. Языковые репрезентации – это представление когнитивных категорий средствами языка [Болдырев 2007].

В последние годы наряду с понятиями когнитивной и языковой репрезентации все чаще используется понятие дискурсивной репрезентации. Одними из первых различие когнитивной и дискурсивной репрезентации действительности выявили Т. ван Дейк и В. Кинч. Они отмечают, что понятие дискурсивной репрезентации позволяет, в частности, понять, что когнитивная репрезентация происшествия и дискурсивная репрезентация – рассказ о происшествии – могут и не совпадать. В случае несовпадения адресату предъявляется лишь вербализованная версия говорящего о случившемся [Дейк, В. Кинч 1988: 153]. Вместе с тем, понятие дискурсивной репрезентации пока еще не получило общепризнанного определения. В.З. Демьянков и Е.С. Кубрякова указывают, во-первых, на отражательный характер дискурсивной репрезентации: слово «репрезентация» содержит сему «отображение», «отражение» [Демьянков, Кубрякова 2007: 10]. Дополнительно к «отражению», дискурсивная репрезентация, по переносу, получает собственную динамику, поскольку может смещать фокусы внимания, которыми «отражаемый» объект не обладает сам по себе [Демьянков, Кубрякова 2007: 10]. В этой, второй, трактовке, дискурсивные репрезентации могут не только замещать объекты и действия, но и порождать их – как бы «строить из воздуха» объекты или же целые ситуации: то есть репрезентации теперь могут создавать фиктивные объекты, которые «как бы отражаются» этими репрезентациями [Демьянков, Кубрякова 2007: 10-11]. Таким образом, дискурсивная репрезентация может, во-первых, отражать действительность, и, во-вторых, создавать действительность, как бы «строя ее из воздуха».

Н.Н. Болдырев в своей теории репрезентации знаний в языке также различает два вида репрезентации мира / действительности. Он отмечает, что язык призван отражать процесс и результаты познания мира и вводит понятие «отраженный мир» [Болдырев 2005: 21, 25]. Данное понятие в полной мере можно отнести к дискурсу, репрезентирующему мир, отраженный с помощью языка. В то же время, как указывает Н.Н. Болдырев, языковые средства используются для выполнения интерпретирующей функции; «интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов» [Болдырев 2005: 32], то есть наряду с отраженным миром выделяется также интерпретация отраженного мира.

С.Н. Плотникова вводит понятие дискурсивной репрезентации действительности и различает два ее вида: дискурсивный мониторинг мира (его отражение) и дискурсивное конструирование мира. Дискурсивное конструирование мира отличается от дискурсивного мониторинга тем, что в процессе дискурсивного конструирования создается мир, в который говорящий / пишущий полностью вовлечен. Конструктор живет внутри данного мира и творит его своим дискурсом, создавая «мир-со-мною». При

конструировании мир становится не просто другим, а таким, как было задумано его конструктором [Плотникова 2006; 2014].

В западной лингвистике понятия когнитивной vs дискурсивной репрезентации действительности также интенсивно разрабатываются. Их исследование восходит к теории социальных репрезентаций (social representations theory). Эта теория возникла как углубление и развитие теории социального конструкционизма (конструктивизма), согласно которой реальность социально конструируется, общий мир повседневной реальности создается людьми в процессе их общения друг с другом [Бергер, Лукман 1995].

В западной лингвистике, как и в отечественной, дискурсивные репрезентации разделяются на два основных типа: репрезентация как отражение действительности и как ее конструирование. На это различие указывает Дж. Брунер, разграничивая принцип отражения, с помощью которого мы реагируем на мир как таковой (principle of reflection by which we came to respond to the world as it is), и принцип конструирования действительности с помощью нарратива (narrative as a form not only of representing but of constituting reality) [Bruner 1991: 1, 5]. Дж. Поттер с соавторами разрабатывает теорию дискурсивного конструктивизма (discursive constructionism), в которой разграничивается отражение мира (mirroring some aspect of the world) и конструирование версий мира (constructing versions of the world) [Potter, Hepburn 2008: 276]. В этой теории подчеркивается, что при отражении действительности в дискурсе представлены чистые факты (brute facts); дается фактуальное описание события (factual account); позицией говорящего / пишущего является принцип отражения [Ashmore 1994; Wagner 1998], а при дискурсивном конструировании действительности когниция носит не коллективный, а индивидуальный характер, что требует ответа на вопрос: Чья когниция сформировала данный контекст? [Potter 1992; 1998].

В целях различения коллективной и индивидуальной когниции Дж. Поттер и Д. Эдвардс разграничивают стандартный когнитивный сценарий ситуации в мире и когнитивные механизмы трансформации стандартного сценария. В качестве примера они приводят такое социальное явление, как сумасшествие (madness). Когнитивная репрезентация (когнитивный сценарий) данного явления действительности включает в себя его общие признаки, известные всем людям, которые, выступая в роли своеобразных квази-психологов (quasi-psychologists), способны дать дискурсивную репрезентацию стандартной ситуации сумасшествия (generic situation), т.е. описать поведение психически больного человека. Что касается дискурсивного конструирования сумасшествия, то оно может и не иметь никакого отношения к его стандартной когнитивной репрезентации: конструирование идентичности собеседника как сумасшедшего может использоваться в межличностном конфликте, в объяснении отсутствия кого-либо на рабочем месте, в описании поведения соседа по дому и т.п.

Такое дискурсивное конструирование производится на основе отдельного когнитивного механизма [Potter, Edwards 1999: 453].

Дж. Поттер и Д. Эдвардс определяют когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности (cognitive mechanisms), как особые репрезентационные практики (representational practices), используемые в индивидуальной когниции [Potter, Edwards 1999: 452]. В нашей работе мы принимаем данное определение когнитивного механизма дискурсивного конструирования действительности.

Принятое нами понимание когнитивного механизма не расходится с его пониманием в отечественной лингвистике. Так, Н.Н. Болдырев и Н.А. Беседина определяют когнитивный механизм как концептуальное основание языковых категорий, в частности, морфологических [Болдырев, Беседина 2007: 4]. Особая репрезентационная практика также может быть определена как когнитивное (концептуально-пропозициональное) основание дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе.

2.2. Медиатизация как дискурсивная репрезентация реальности и медиареальности

В данном разделе мы приступаем к созданию теоретической модели дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе. Вводя понятие медиатизации, мы даем ее собственное определение, понимая под медиатизацией дискурсивную обработку действительности пишущими, их выбор одного из двух способов ее репрезентации в медиадискурсе – по типу «отражение» или по типу «конструирование». Медиатизация объясняется нами с позиций неориторики и с позиций критической лингвистики. С одной стороны, мы понимаем под медиатизацией такую репрезентацию действительности, когда СМИ сами «создают» мир, производят действительность с помощью медиадискурса, что согласуется с идеями неориторики. С другой стороны, мы не принимаем радикальный постулат, отстаиваемый в ряде исследований, о том, что СМИ предлагают сконструированный ими собственный мир в качестве единственно возможного массовому адресату. Вслед за представителями критической лингвистики мы допускаем существование обеих контингентных реальностей: реальности происходящего и медиареальности.

2.3. Факт vs медиафакт

Продолжая создание теоретической модели дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе, мы вводим разграничение факт vs медиафакт, опираясь на философскую и лингвистическую трактовку факта / события как отрезка непосредственно данной внешней реальности, существующей объективно, ввиду чего соответствие факту делает высказывания (пропозиции) истинными [Рассел 2007].

В отношении медиадискурса мы трактуем факты через призму их социальной значимости: факты не требуют какого-то особого отбора, тем более «изготовления», а наоборот, сами по себе, требуют освещения ввиду

их важности, то есть требуют дискурсивной репрезентации по типу «отражение». Как указывает Н.Д. Арутюнова, факт получает доступ к действительности только через значение истинности, то есть контрадикторную оппозицию истинности и ложности (соответствия / несоответствия действительности). Реальность существует независимо от человека, а факт – нет. Человек вычленяет объект действительности, а в нем определенный аспект, концептуализирует его, структурирует по модели суждения, то есть вводит значение истинности, верифицирует, и только тогда он получает факт. Факт конституирует значение истинности, противопоставленное значению ложности [Арутюнова 1988: 155].

Что касается события, то оно локализовано в некоторой человеческой сфере, определяющей ту или иную систему отношений, в которую она входит; оно происходит в некоторое время и имеет место в некотором реальном пространстве [Арутюнова 1999: 509]. Имя «факт» ориентировано на мир знания, то есть на логическое пространство, организованное координатой истины и лжи, имя «событие» ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени [Арутюнова 1999: 505].

Ю.С. Степанов отождествляет факты и события. Он пишет о том, что «события», или «факты», существуют объективно, поэтому соответствие им делает высказывания (пропозиции) истинными, а несоответствие – ложными; надо стремиться к тому, чтобы представить «события», или «факты», в «минимализованном» виде, как «кратчайшие отрезки пространства-времени»; наиболее адекватное языковое выражение для «факта» – не имя, а атомарное предложение (пропозиция) [Степанов 1995: 48].

В нашем исследовании мы базируемся на данном – лингвистическом – понимании факта и события как определенного фрагмента реальной действительности, когнитивная репрезентация которого представлена пропозициями, верифицируемыми как истинные. В то же время мы учитываем отмечаемое лингвистами различие между ними. Под событием мы понимаем отдельный отрезок, фрагмент реальной действительности, отграниченный в пространственно-временном отношении от других таких же фрагментов в потоке происходящего. Факт мы понимаем как такой фрагмент реальной действительности, который вычленяется человеком из потока событий и может включать в себя некое множество событий, осмысленных в их целостности.

Медиафакт мы определяем, во-первых, как факт, специально отобранный пишущим из потока событий и сам по себе не имеющий всеобщей значимости. Во-вторых, медиафакт понимается нами как псевдособытие, сконструированное на основе реальных фактов, «изготовленное» из них, то есть предвзятое, представляющее собой некую «версию» действительности, чисто дискурсивный конструкт.

2.4. Языковые маркеры дискурсивной репрезентации действительности по типу «отражение»

Для отграничения дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе от смежного с ним понятия отражения / мониторинга действительности были проанализированы сообщения об одном и том же событии, опубликованные в разных СМИ. Было подтверждено положение С.Н. Плотниковой [2006; 2014] о том, что если событие репрезентируется по типу «отражение», то новостные сообщения о нем базируются на одном и том же изоморфном действительности когнитивном сценарии, а на языковом уровне часто наблюдается использование одних и тех же лексических средств, поскольку описываются одни и те же участники, место действия и события. Грамматические средства варьируются, пишущие выбирают разные грамматические конструкции.

Так, в один и тот же день в разных СМИ были опубликованы сообщения под следующими заголовками:

1. Vladimir Putin officially opens the G20 summit in St. Petersburg (Guardian, Sep. 5, 2013);
2. Divided G20 discusses Syria crisis in St. Petersburg. World leaders are locked in a divisive debate over Syria, at the end of the first day of the G20 summit in Russia (BBC NEWS, Sep. 5, 2013);
3. G20 summit: Vladimir Putin officially opens the summit which will focus on Syria crisis talks (World News, Sep. 5, 2013).

С точки зрения различия факт vs медиафакт, освещаемое событие «Саммит двадцати ведущих стран», несомненно, является фактом, поскольку «существует как самоочевидная и непреодолимая данность» [Бергер, Лукман 1995: 45], «существует объективно», поэтому соответствие ему делает высказывания о нем истинными [Степанов 1995: 48], не является «изготовленным» или же произвольно отобранным из потока новостей [McLuhan 1967: 222]. Напротив, это событие является общественно значимым для всего мира, представляющим интерес для «универсальной» аудитории (в терминах неориторики), к которой относится весь мир. Заголовки представляют одну и ту же новость: на пропозициональном уровне новость выражается новостными пропозициями: <Putin officially opens the summit in St. Petersburg>; <Syria will be top of the agenda>.

В нашем корпусе примеров самой характерной языковой особенностью сообщений, репрезентирующих действительность по типу «отражение», являются средства выражения объективной модальности. С помощью соответствующих форм индикатива содержание всех подобных сообщений отнесено во временной план прошлого, в них нет форм сослагательного наклонения, характеризующихся временной неопределенностью. Средства субъективной модальности, то есть оценочного отношения пишущего к сообщаемому, отсутствуют, нет также никаких образных средств. Превалирование грамматических средств объективной модальности, выражающих временную определенность, собственно, и является спо-

собом «отражения» действительности, передачи временной последовательности произошедших реальных событий.

2.5. Языковые маркеры дискурсивной репрезентации действительности по типу «конструирование»

Как показал проведенный нами анализ, дискурсивная репрезентация действительности в медиадискурсе по типу «конструирование» отличается от дискурсивной репрезентации по типу «отражение», что находит выражение в соответствующих языковых маркерах.

В качестве примера приведены восемь статей об одном и том же событии:

1. Vladimir Putin sings “Blueberry Hill” (Presurfer, 12, Dec., 2010);
2. Sing-along-a-Vlad: now Putin is Blueberry Hill crooner of the Kremlin (Daily Mail, 12, Dec., 2010);
3. Vladimir Putin sings “Blueberry Hill” and plays the piano (No, really); Happy monday morning (Business Insider, 13, Dec., 2010);
4. Vlad the crooner: Putin sings “Blueberry Hill” (CBS News, 12, Dec., 2010);
5. Russian PM Vladimir Putin sings Blueberry Hill. Wait... What?! (Heatworld, 14, Dec., 2010);
6. Vintage Vladimir: Putin on the karaoke (Aol, 13, Dec., 2010);
7. Vladimir Putin finds his thrill on ‘Blueberry Hill’ (Independent, 13, Dec., 2010);
8. Vladimir Putin: the pantomime hero – and the villain too (Guardian, 19, Dec., 2010).

Это событие было специально отобрано медиатором из потока происходящих событий, в связи с чем оно представляет собой чистый медиафакт, как «реальность массмедиа». Данное событие – это «факт», «новость», но только потому, что считается таковым в системе СМИ [Луман 2005: 62].

Первая из анализируемых восьми статей дискурсивно репрезентирует действительность по типу «отражение». «Правильное», «истинностное» отражение мира [Демьянков, Кубрякова 2007: 10] в первой статье создается ее референтной структурой, включающей в себя референты, наиболее значимые для описываемой действительной ситуации. К ним относятся участники события (Russia’s Prime Minister Putin; international celebrities), место действия (St. Petersburg). Главным референтом, центром всей референтной ситуации, является благотворительный концерт (benefit concert); его цель – сбор средств для детей, больных раком (charity fundraiser dedicated to fighting children’s cancer).

Совершенно иначе репрезентируют действительность остальные семь статей, в них передается информация, которая, на первый взгляд, не отличается от новостной информации, передаваемой в предыдущей статье; указаны те же референты (Russia’s Prime Minister Vladimir Putin, international celebrities), то же место и время действия (St. Petersburg, a charity event, Friday night). Однако главный референт, центр всей референтной си-

туации отсутствует: то, что концерт был для больных раком детей, в данных сообщениях не упоминается. Лишь в примере 5 цель концерта упоминается, но это делается автором саркастически (as part of a charity gig to raise money for childhood cancer victims. Bless). В примере 6 о цели концерта сообщается вкупе с информацией о том, что билеты продавались за непомерные цены (sold at exorbitant prices Friday night to aid child cancer victims), здесь также выражен сарказм пишущего. Наблюдается явное конструирование референтной ситуации – умышленное исключение главного референта всего события, его главного информативно значимого компонента. Исключение важнейшей информации делает сообщение предвзятым. Интенция истины участников события (сбор денег для детей, больных раком) заменяется на интенцию мнения – журналисты высказывают мнение, что концерт организован как часть будущей президентской кампании (Where would you find a judge brave enough to send Vladimir Putin back home to the Kremlin?; The battle for the Russian presidency is unexpectedly turning into a battle of the bands). Читающим представляется уже не просто медиафакт как событие, произвольно отобранное из потока событий, – им предлагается медиафакт иного вида: сконструированный пишущими, то есть с помощью дискурса пишущие конструируют саму действительность.

В главе III «Когнитивные механизмы дискурсивной репрезентации действительности в медиадискурсе по типу «конструирование» дается классификация когнитивных механизмов, лежащих в основе создания медиафактов как версий действительности. Определяются и анализируются когнитивные механизмы конструирования референтной ситуации, включения в нее пишущего, стереотипизации и мифологизации, риторической модификации медиадискурса.

3.1. Конструирование референтной ситуации: алгоритмы создания медиафакта

Мы используем общенаучный термин «алгоритм» (практика, процедура рассмотрения данных) как дополнительный по отношению к термину «когнитивный механизм». И когнитивный механизм, и его алгоритм определяются нами как репрезентационная практика представления действительности в медиадискурсе. Они соотносятся друг с другом как целое и часть – когнитивный механизм конструирования картины мира в медиадискурсе может включать в себя ряд определенных алгоритмов.

Когнитивный механизм конструирования референтной ситуации опирается, в первую очередь, на подчиненный ему алгоритм дефокусирования центрального референта. Например: The Olympic city has a dog problem. Thousands of stray canines wander the streets and suburbs of Sochi (CNN, Feb. 5, 2014); Racing to save the stray dogs of Sochi (New York Times, Feb. 5, 2014); Stray dogs in Sochi: what happens to the world's free-roaming canines? (National Geographic, Feb. 6, 2014); The Sochi stray dog dilemma: does the world care more about Russia's animals than humans? (Guardian, Feb. 10,

2014); How to adopt a stray dog from Sochi (USA Today, Feb. 10, 2014); Puppy love: US Olympians work to adopt stray dogs in Sochi (Today, Feb. 19, 2014).

Пишущие управляют референтами и темами дискурса (алгоритм референциально-тематического менеджмента), дефокусируя центральный референт «Олимпийские игры в Сочи» и переводя в фокус внимания референт «бродячие собаки». Имеет место репрезентация некоей «другой» действительности, созданной пишущими. Пишущие абстрагируются от общей картины мира и категориального статуса ее объектов (картины мира «Олимпиада» и ее объектов, подлежащих обработке вниманием) и благодаря алгоритму абстрагирования конструируют другую картину мира («Бродячие собаки в Сочи»). При этом фоновые референты, незначительные факты становятся значимыми, выдвигаются на передний план, фон и фигура меняются местами.

В целом, суть когнитивного механизма конструирования референтной ситуации состоит в том, что на передний план выдвигается не объективное (коллективное), а субъективное (авторское) видение главных компонентов освещаемого события. Референты, относящиеся к ситуации наблюдения коллективным субъектом (в частности, к ситуации наблюдения за событиями Олимпийских игр), в их авторском видении предстают по-иному, подвергаются переделыванию, в связи с чем в подобном медиадискурсе «переделывается» и сама действительность. В процессе дискурсивного конструирования пишущий «строит действительность из воздуха» тем, что он ее создает своей когницией, убирая референты, перемещая их, вводя референты, отсутствующие в действительной ситуации.

3.2. Включение пишущего в референтную ситуацию: использование личного нарратива

Действие этого механизма проявляется в использовании личного нарратива вместо третьеличного. В третьеличном нарративе повествователь не принадлежит миру текста: мир предстает перед читателем как бы сам по себе, никем не изображаемый. В повествовании от первого лица повествователь принадлежит миру текста, т.е. участвует в изображаемых событиях. Он принадлежит к нарративной реальности и рассказывает о ней сквозь призму своих восприятий и мнений [Падучева 2005: 918].

Действие когнитивного механизма включения пишущего в референтную ситуацию состоит в том, что пишущий напрямую обращается к читающим, то есть переходит к общению по модели «Я–Ты» (We'll never know, granted, I know what you are thinking, etc.). Пишущий добивается согласия с аудиторией, объединяя себя с читающими, априори считая, что они придерживаются такого же мнения, как и он.

Использование личного нарратива является сигналом того, что когниция носит не коллективный, а индивидуальный характер, следовательно, есть вероятность того, что в данном медийном сообщении действительность конструируется пишущим, как это происходит, в частности,

в статье “China and Russia: arbiters of global morality” (Independent, Mar. 25, 2011). Пишущий обращается к тем читающим, которые одновременно с ним смотрели передачу “Question Time” прошлой ночью и знают всех упоминаемых политиков, им не надо объяснять, кто такие Rory Stewart и Danny Alexander. Кроме того, журналист дает личную информацию о себе – то, что он не поддерживает Консервативную Партию. Саркастическое выражение (Rory Stewart, a self-confessed wobbly Conservative) показывает презрение автора к данному политику. Новостное событие «Принятие резолюции ООН по Ливии» дефокусируется: на передний план выходит личное мнение пишущего, его сарказм относительно позиции России.

Использование личностного нарратива обуславливает превалирование интенции мнения над интенцией истины и ведет к конструированию медиафакта как личностной версии действительности.

3.3. Включение пишущего в референтную ситуацию: языковые маркеры описания пишущим самого себя

В личностном нарративе присутствуют конкретные языковые маркеры, с помощью которых пишущий описывает самого себя и тем самым включает себя в нарративную действительность. Это не столько рассказ о событии в мире, сколько рассказ о себе как наблюдателе, для которого важно описать себя, свои наблюдения, эмоции и чувства и передать их читающим. Мы классифицировали языковые маркеры описания пишущим самого себя на основе анализа интерпретирующих модусных высказываний Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999].

Были выявлены маркеры модуса чувственного восприятия (I saw, I heard, I witnessed, I looked out, etc.); модуса эмоционального состояния (I admire, I hate, etc.); модуса желания и волеизъявления (I wish, I desire, etc.); модуса сомнения, знания и незнания (I wonder, I think, I suppose, I doubt, I don't pretend to know, etc.); модуса кажимости (I say may be, it seems, etc). Кроме того, нами выделен такой имплицитный способ включения пишущего в референтную ситуацию, как его управление читающими с помощью директивов (Don't rule out Russia; Don't blacklist Russia, etc.).

Описание пишущим самого себя, своего присутствия в ситуации способствует конструированию в медиадискурсе личностной версии действительности.

3.4. Когнитивные механизмы стереотипизации и мифологизации

Мы рассмотрели феномены стереотипизации и мифологизации через призму понятия дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе – как когнитивные механизмы, лежащие в его основе.

Сделан вывод, что с помощью когнитивных механизмов стереотипизации и мифологизации реальные факты действительности подвергаются пишущим переконструированию с той целью, чтобы они соответствовали стереотипам и мифам, сложившимся в культуре, к которой принадлежит пишущий. В данном случае пишущий репрезентирует действительную ситуацию, как это «положено» в его культуре, то есть как этого требует сте-

реотипное мнение или мифологический сюжет. Репрезентация действительности на основе когнитивного механизма стереотипизации и мифологизации состоит в том, что стереотип или миф становится для пишущего явлением первичным, а действительность – вторичным. Репрезентируемая «действительность» – это созданные самим же пишущим дескрипции, соответствующие одному и тому же пересказываемому нарративу; в подобном медиадискурсе репрезентируется медиафакт как культурно обусловленная версия действительности.

3.5. Концептуальная метафора как организующий центр риторической модификации медиадискурса

В создании медиафактов участвует также когнитивный механизм риторической модификации медиадискурса. Установлено четкое разграничение: риторически не модифицированный vs риторически модифицированный медиадискурс. Единичное употребление стилистических приемов в медиадискурсе можно назвать языковым механизмом, однако тотальное употребление стилистических приемов ведет к модификации содержания медиадискурса в направлении от выражения истины к выражению мнения, что позволяет отнести это явление к особой репрезентационной практике представления действительности, то есть согласно принятому определению назвать когнитивным механизмом. Новостная информация не предполагает по своей сущностной природе использования стилистических приемов, но пишущие употребляют их в своих статьях, то есть риторически модифицируют медиадискурс в целях конструирования медиафакта как «интересного» сообщения. Традиционное изучение тропов недостаточно раскрывает их влияние на социального адресата СМИ. Понятие риторической модификации вскрывает то, что риторические фигуры становятся средствами аргументации. Переход от риторически не модифицированного сообщения к модифицированному сообщению служит диагностирующей позицией, сигнализирующей о возможном конструировании медиафакта, маскирующегося под факт, о встраивании медиафакта в реальность происходящего.

Установлено, что концептуальная метафора выступает в качестве организующего центра риторической модификации медиадискурса, объединяющего в себе и сводящего воедино различные стилистические приемы. Посредством особого набора концептуальных метафор (РОССИЯ – ЭТО МЕДВЕДЬ, РОССИЯ – ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ, РОССИЯ – ЭТО КРИМИНАЛЬНЫЙ ИНДИВИД и т.п.) пишущий освещает конкретное событие так, как это «положено» писать о России в его культуре. С помощью концептуальной метафоры «действительность» выступает как продукт конструирования, а не чистого наблюдения и мониторинга, поскольку объекты действительности репрезентируются через не имеющие к ним непосредственного отношения объекты и их качества (например, качества медведя).

Все выявленные в диссертации когнитивные механизмы дискурсивного конструирования действительности в медиадискурсе, как правило,

функционируют совместно. Различные когнитивные механизмы проникают друг в друга, что усиливает их действие.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются вытекающие из него основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения данной темы, к которым относятся: изучение когнитивных механизмов, лежащих в основе репрезентации действительности в дискурсах других типов, а также дальнейший анализ дискурсивного конструирования как теоретического понятия.

Приложения содержат текстовый материал, необходимый для иллюстрации ряда теоретических положений диссертации.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях Федосеевой Е.В., общим объемом 5,7 п.л., из них 3 статьи объемом 1,8 п.л. в изданиях, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

1. Федосеева Е.В. Изменение структуры нарратива как основа риторически модифицированного дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – №3. – С. 122-127. – 0,6 печ. л.
2. Федосеева Е.В. Дискурсивная креативность пишущего в риторически модифицированном массмедийном дискурсе // Вестник Иркутского государственного технического университета. Сер. Гуманитарные науки. – Иркутск : ИрГТУ, 2013. – №1. – С. 288–292. – 0,5 печ. л.
3. Федосеева Е.В. Типы репрезентации действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в британских и американских СМИ) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск: ИГЛУ, 2014. – №2. – С. 310-316. – 0,7 печ. л.

Другие публикации по теме диссертации в периодических научных изданиях и сборниках:

4. Федосеева Е.В. Когнитивный сценарий риторически модифицированного дискурса // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 1-4 марта 2011 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – С. 180-182. – 0,2 печ. л.
5. Федосеева Е.В. Слияние личностного и институционального в современном массмедийном дискурсе // Информационно-коммуникативное пространство и человек: материалы международной научно-практической конференции (15-16 апреля 2011 г.). – Пенза – Москва – Витебск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 20-23. – 0,2 печ. л.

6. Федосеева Е.В. «Другие» референты: риторическая модификация референтной ситуации // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 20-23 марта 2012 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 147-149. – 0,2 печ. л.
7. Федосеева Е.В. Риторически модифицированный массмедийный дискурс: аксиологический сдвиг // Аспирантские чтения ИГЛУ: сборник научных статей. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 266-269. – 0,3 печ. л.
8. Федосеева Е.В. Референциально-тематический менеджмент как когнитивный механизм риторической модификации массмедийного дискурса // Концепт и культура: материалы 5-ой международной научной конференции (Кемерово, 9-10 октября 2012 г.). – Кемерово: ИНТ. – 2012. – С. 361-366. – 0,3 печ. л.
9. Федосеева Е.В. Риторически модифицированный массмедийный дискурс: к проблеме определения понятия // Язык – когниция – социум: тезисы докладов международной научной конференции (Минск, 12-13 ноября 2012 г.). – Минск: МГЛУ, 2012. – С. 207-208. – 0,2 печ. л.
10. Федосеева Е.В. Языковое манипулирование в современном массмедийном дискурсе // Текст и дискурс: лингвокультурологический аспект: материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 17-18 мая 2012 г.). – Иркутск: ИрГТУ, 2012. – С. 49-53. – 0,3 печ. л.
11. Федосеева Е.В. Концептуальная метафора как когнитивный механизм создания медиафакта // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 4-7 марта 2013 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – С. 137-138. – 0,2 печ. л.
12. Федосеева Е.В. Неориторика и ее базовые положения // Аспирантские чтения ИГЛУ: сборник научных статей. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – С. 208-215. – 0,5 печ. л.
13. Федосеева Е.В. Дискурсивное конструирование медиареальности. Факт vs медиафакт // Новое в современной филологии: материалы 12-ой международной научно-практической конференции (Москва, 20 декабря 2013 г.). – М.: Спутник+, 2013. – С. 30-36. – 0,4 печ. л.
14. Федосеева Е.В. Языковые маркеры дискурсивной репрезентации действительности в статьях о России в англоязычной прессе // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 3-6 марта 2014 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2014. – С. 78-80. – 0,2 печ. л.
15. Федосеева Е.В. Современный медиадискурс с позиций критической лингвистики // Теория и методика международного образования: традиции и новации в обучении студентов стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 20-21 мая 2014 г.). – Иркутск: ИрГТУ, 2014. – С. 60-67. – 0,5 печ. л.

16. Федосеева Е.В. Когнитивные механизмы стереотипизации в медиадис-
курсе // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой
деятельности: материалы 9-й Всероссийской научной конференции
(Иркутск, 15-16 октября 2015 г). – Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – С.
151–156. – 0,4 печ. л.